

Грушевой Александр Гаврилович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

E-mail: agrush@yandex.ru

Планы развития образования в русских школах на Ближнем Востоке перед Первой мировой войной*

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10026

История школьной системы русских православных школ в Сирии и Палестине завершается за несколько дней до начала Первой мировой войны принятием хорошо продуманного учебного плана для учительских семинарий Императорского православного палестинского общества в Назарете и Бейт-Джале. Война сделала реализацию плана невозможным. Во-первых, история этого проекта интересна и в наши дни в нескольких отношениях. Сотрудники общества выработали хорошо продуманный план предметного обучения, соответствовавшего уровню развития науки того времени; во-вторых, сопоставление итогового плана с первыми наметками идей, высказанных в XIX в., как выстроить обучение в школах общества, показывает значительный шаг вперёд в организации процесса обучения, что свидетельствует о действительном внимании к запросам местного населения со стороны российских представителей. Самый радикальный проект задач обучения был предложен в записке начинающего в те годы арабиста И.Ю. Крачковского. Он считал, что задача школ Палестинского общества — помочь арабам-христианам осознать самих себя в рамках своего языка, культуры и веры; в-третьих, история разработки в 1909–1914 годах новой программы учебных семинарий показывает с необычной стороны многих должностных лиц Российской империи, понимающих на деле государственные интересы России и заинтересованных в развитии отечественной науки.

Ключевые слова: Императорское православное палестинское общество, Палестина, Сирия, Иерусалим, русские школы, Ближний Восток, И.Ю. Крачковский, Б.Н. Шаховской, А.А. Дмитриевский, арабы-христиане, российская политика

---

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 19-09-41006 на 2019–2021 годы.

Alexandr G. Grouchevoy

Candidate of Historical Sciences, Senior researcher of the Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences

Address: Dvortsovaya emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russia

E-mail: agrush@yandex.ru

The long-term plans for development of the educational system in Russian schools in the Near East before World War I*

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10026

The history of the Russian Orthodox schools in Syria and Palestine came to its end a few days before the First World War. Adoption of a well-thought-out school plan for pedagogical seminaries in Nazareth and Beit Jala was its last episode. World War I made realization of this plan impossible. Nevertheless, this project is still interesting in our days for several reasons. The Society has made an excellent teaching plan that corresponded to the level of the scientific knowledge of that time. This elaborated final plan of teaching shows significant advancement comparing to the first ideas about organization of teaching and learning process in the Russian orthodox schools. It proves that Russian officials were truly thoughtful for the demands of local Christian population. The most radical teaching plan can be found in the note by I.Iu. Krachkovsky, a young Arabist at the time. He considered the aim of Russian schools to be to help Arab-Christian population to comprehend themselves in connection with their language, culture and faith. The history of constructing the new schools program for the Society Seminaries in 1909–1914 casts a new light on some Russian Empire officials. They appeared to be genuinely interested in the development of Russian scholarship and capable of serving Russian state interests in the Near East.

Keywords: Russian Imperial Orthodox Society, Holy Land, Palestine, Jerusalem, Syria, Middle East, russian policy

---

* The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project No. 19-09-41006 for 2019–2021.

1 Первые формулировки возможного направления развития просвещения среди арабов-христиан возникают за несколько десятилетий до основания Императорского православного палестинского общества (ИППО) в 1882 году. Они принадлежат Порфирию Успенскому, призывавшему к пропаганде и распространению православия среди арабов-христиан прежде всего потому, что в условиях Османской империи и господства греческого духовенства в Иерусалимском патриархате арабы-христиане оставались дискриминируемым меньшинством. [Грушевой, 2020 (1)] Поддержка же местного христианского населения представлялась Порфирию весьма важным фактором в политике Российской империи.

Именно благодаря Порфирию были основаны первые школы в Палестине, куда — наряду с греками — принимали и арабов. Слова Порфирия о важности просветительской деятельности среди арабов-христиан были услышаны, но до реальных действий дошло лишь через несколько десятилетий. Такого рода школу предполагалось, по примеру Порфирия Успенского, открыть при Русской духовной миссии в Иерусалиме. Однако практически всё время правления Александра II ушло на выяснение отношений сторон о статусе Русской духовной миссии в Иерусалиме и её взаимоотношениях с российскими дипломатами. О важности распространения образования и православия среди арабов-христиан под эгидой Русской духовной миссии никто не забывал, но до 1882 года дальше слов о важности этой деятельности в основном не шло [Грушевой, 2020 (2)]. Единственным исключением стала попытка архимандрита Леонида (Кавелина) открыть в 1864 г. при миссии в Иерусалиме такую школу [Грушевой 2020 (2)].

Проект не получил поддержки в Петербурге, что объяснялось, скорее всего, натянутыми отношениями с патриархом Иерусалимским и российскими представителями, трудившимися в регионе.

Следствием образования Палестинского общества в 1882 году стало закономерное обращение В.Н. Хитрово, его основателя, к вопросу об арабах-христианах в ближневосточной политике Российской империи.

Самое подробное описание собственного понимания принципов организации школ и учебного процесса содержится в письме В.Н. Хитрово к архимандриту Антонину в мае 1882 года [Россия в Святой Земле... 2020. С. 111–114]. Создатель общества и первый секретарь совета ИППО заявлял о том, что считает своим долгом не возбуждать дух национальности вообще, ни местных православных против Иерусалимского патриархата [там же. С. 112]. Конкретные предложения В.Н. Хитрово включали в себя образование училищных советов в составе двух членов Святогробского братства, двух местных жителей, начальника духовной миссии и генерального консула в Иерусалиме. Совет должен был учреждать школы, определяя место их открытия, наблюдать и контролировать учебный процесс. Финансовую сторону деятельности школ должен был, по мнению В.Н. Хитрово, контролировать агент Палестинского общества.

В.Н. Хитрово писал также о возможности открытия ремесленной школы, ибо в Палестине существуют несколько направлений промышленной деятельности, развитие которых — в случае наличия у общества достаточного количества денежных средств — было бы полезным.

Несколько позже, в октябре 1888 года, В.Н. Хитрово сформулировал несколько общих идей, как и чему следует — с позиций России — учить детей арабов-христиан [К.П. Победоносцев и Русская духовная миссия... С. 311–343]. Он писал К.П. Победоносцеву в октябре 1888 г. о том, что обучение

должно быть основано на истинном православии и все нужды арабского христианского населения и духовенства каждого отдельно взятого поселения обеспечат семинарии общества [К.П. Победоносцев и Русская духовная миссия... 2017. С. 328].

Консервативный подход к планам развития образования арабов-христиан был среди руководителей Палестинского общества свойственен не только В.Н. Хитрово. Он встречался и у других руководителей общества. Сомнения в целесообразности трат денег России на обучение детей арабов-христиан Сирии высказывал Н.М. Аничков [Письмо М.П. Степанову от 1 сентября 1907 г. — АВПРИ. Ф. РИППО Оп. 873/1 Д. 435 Л. 14 об.]. А.А. Дмитриевский, секретарь совета ИППО, выступил на заседании в Дамаске 27 февраля 1910 года всех заинтересованных в судьбе школ с заявлением о том, что устройство, поддержание и развитие православных школ в Сирии не входило и не входит в задачи общества [АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Л. 131–131 об.].

Всё же на рубеже веков развитие представлений о направленности процесса обучения в школах ИППО пошло по линии углубления программы обучения и включения общеобразовательных дисциплин в список предметов, изучаемых в школах и семинариях общества. В этом велика была роль Н.М. Аничкова, являвшегося долгие годы вице-председателем общества и привлекавшего к составлению учебных планов образованных арабов-христиан [Дмитриевский, 2014 (1). С. 124–125].

С самого начала полноценного развития школьной системы учебный план был достаточно насыщенным. Это видно на примере эволюции сменивших друг друга программ обучения в учительских семинариях и школах. Так, программа обучения 1888 года была сориентирована прежде всего на мужскую семинарию в Назарете (основана в 1886 году). Программа 1902 года представляла собой наиболее разработанную схему обучения в семинариях общества. В учебном плане, действовавшем до 1914 года, насчитывалось 15 предметов, перечисляемых ниже, во втором приложении [Основная информация о первых программах школ и семинарий общества — АВПРИ. Ф. РИППО Оп. 873/1. Д. 438. Об учебном процессе в семинарии Назарета — Россия в Святой Земле... 2020. С. 593–594].

2 Первые попытки выработки согласованного решения о новой программе семинарий общества и о судьбе всех школ общества в Сирии относятся к рубежу 1909–1910 годов. Потребность в выработке новой программы объяснялась многими причинами. Сложности внутренней жизни, обусловленные революцией 1905–1907 годов, способствовали серьезному финансовому кризису общества. Заметно уменьшилось количество тех, кто был готов жертвовать на нужды ИППО. Распространение школьной деятельности на Сирию в сочетании с бесплатностью образования также способствовало значительному возрастанию нагрузки на бюджет общества¹.

Перспектива закрытия школ общества в Сирии становилась реальной, однако интенсивный обмен мнениями заинтересованных сторон привел сперва к решению об отказе от закрытия школ и отправке в Палестину и Сирию

¹ Лучшим источником информации о финансовых сложностях ИППО в начале XX в. является «Доклад Секретаря» — первое официальное выступление А.А. Дмитриевского в этой должности (10 октября 1908 года) [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/3 Д. 10. Л. 64–73]. Лучший анализ финансового положения общества перед Первой мировой войной принадлежит Н.А. Лагузовой [2012. С. 150–158].

специальной комиссии для ревизии всех институтов общества². Третьего декабря 1909 года, ещё до завершения работы ревизии, И.Ю. Крачковским была оформлена докладная записка о школьной деятельности общества, сохранившаяся в черновом автографе [Долинина, 2009]. Её текст содержит множество рассуждений общего плана о школах общества с предложениями возможных исправлений отмеченных недостатков. План И.Ю. Крачковского рисует своего рода идеальный образ школ ИППО — таких, какими они должны будут стать в результате проведения намеченных преобразований учебных заведений.

И.Ю. Крачковский отмечает прежде всего острый кризис школьной деятельности из-за сокращения количества учащихся, вызванный исключительно общим состоянием организации учебного процесса. Здесь имеется в виду общая нехватка учителей в школах общества, и в особенности недостаточность хороших педагогов, что вызвано низким уровнем жалования у преподавателей. Нехватка педагогов в школах общества, о которой писал И.Ю. Крачковский, означала не отсутствие педагогов вообще, но именно отсутствие профессионально подготовленных. Достаточно часто отсутствие учителей-профессионалов приходилось восполнять выпускниками начальных, двуклассных школ.

С точки зрения И.Ю. Крачковского, исправит положение со школами общества не столько повышение окладов преподавателей, сколько реорганизация учебного процесса в целом. Под такой реорганизацией он понимал достижение ясности в определении идеи и задачи существования школ общества в Сирии.

И.Ю. Крачковский считал, что Палестинское общество в состоянии справиться с финансовыми затруднениями и что корректировка учебного дела ИППО гораздо важнее временных, преодолимых сложностей. С его точки зрения, на школы нельзя смотреть как на нечто незыблемое и неизменное. Школы имеют целью помочь местным жителям встать на путь самостоятельного национального развития, и школы, содержащиеся на народные деньги, станут главным шагом в этом направлении.

Когда каждый сириец в таких школах получит образование без посягательств на свою национальность и религию, а сможет получить в школах их правильное понимание, только тогда роль деятельности школ ИППО будет завершена.

Эти идеи И.Ю. Крачковского возникли не случайно, так как вопрос о действенном взаимодействии с местным населением представлялся актуальным для руководителей общества. Уже Н.М. Аничков привлекал к работе по разработке программ семинарий образованных арабов-христиан (см. выше). Внешне сходные мысли о духовном развитии арабского христианского населения есть у А.А. Дмитриевского. В ходе неформального совещания заинтересованных сторон 27 февраля 1910 года в Дамаске он выступал с докладом о будущем характере взаимоотношений России и арабов-христиан Сирии и Палестины. Он писал о том, что Палестинское общество облегчило сирийскому духовенству и православным общинам восстановление национальной арабской церковной иерархии и поэтому передача в ведение сирийских иерархов всех школ Палестинского общества представляется вполне возможной [АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 7686. Л. 131].

² Наиболее существенные документы, касающиеся этой инспекции, собраны Н.Н. Лисовым в издании [Россия в Святой Земле... 2020. С. 682–699 (документы 447–458)].

Что касается формулировки И.Ю. Крачковского, то она привлекает своей ясностью и логичностью, а также самим фактом своего существования. Ни у кого из всех причастных к деятельности Палестинского общества и судьбе школ ИППО не встречается обобщающих по характеру рассуждений о смысле существования школ Палестинского общества в Сирии и Палестине для арабского христианского населения региона. Нет их и в указанном месте у А.А. Дмитриевского, озабоченного прежде всего интересами Российской империи, но не просвещением арабов-христиан.

Формулировки задачи деятельности школ ИППО позволили далее И.Ю. Крачковскому определить необходимые принципы изменений школьной деятельности. Для обеспечения самостоятельного национального развития местного населения важнейшим принципом обучения должно было стать, по мысли И.Ю. Крачковского, внимательное отношение к местной действительности Сирии³.

В этой связи И.Ю. Крачковский писал и об особой роли преподавания иностранных языков. Он считал ошибочным наличие в программах школ одинакового количества часов для преподавания в школах русского языка и арабского. В условиях Сирии русский язык не является самым востребованным для процесса обучения. Поэтому количество часов на русский язык может быть сокращено в пользу арабского.

Кроме того, И.Ю. Крачковский считал также, что русский язык должен перестать быть обязательным предметом в школьной программе. Выбор же в качестве обязательного предмета английского или французского языка должен решаться в каждом отдельно взятом районе сообразно местным условиям.

В завершение своего плана реорганизации школьной деятельности Палестинского общества И.Ю. Крачковский пишет об обязательном введении платы за образование по нескольким причинам. Во-первых, введение платы дисциплинирует учащихся. Во-вторых, только так можно достичь открытия в Сирии российских средних специальных учебных заведений, ибо их открытие потребует существенных финансовых затрат.

С позиций сегодняшнего дня нельзя не заметить, что проект И.Ю. Крачковского по преобразованию школ общества был для своего времени преждевременным, так как в условиях Российской империи распространение просвещения среди арабов-христиан было лишь одной, но не первой задачей ИППО. Общий же перечень задач деятельности ИППО насчитывал, по мнению основателя общества В.Н. Хитрово, следующие три пункта: 1) ознакомление русских с прошлым Святой земли; 2) обеспечение того, чтобы пребывание в Иерусалиме способствовало очищению паломника: Иерусалим должен стать для паломника религиозной школой; 3) самая сложная задача — поддержание православия в той стране, где оно возникло [Герд. 2008. С. 290–295]. Иными словами, задача помощи в становлении в среде арабов-христиан самостоятельного национального развития, столь важная для И.Ю. Крачковского, в Палестинском обществе не рассматривалась как отдельная задача деятельности.

Радикальные для своего времени предложения И.Ю. Крачковского оказались нереализованными. В условиях начала XX века проект И.Ю. Крачковского, предполагающий организацию деятельности школ ИППО исходя

³ К позиции И.Ю. Крачковского близки и авторы анонимной объяснительной записки к смете по содержанию сирийских школ Императорского православного палестинского общества Л. 199–199 об. [Грушевой, 2016. С. 62–63].

прежде всего из интересов самих арабов-христиан, воплощать было некому ввиду отсутствия достаточного количества педагогических кадров, способных к такому направлению педагогической и просветительской деятельности среди арабов-христиан⁴. Правда, сам факт написания И.Ю. Крачковским этой записки показывает, что её автор надеялся на появление таких людей в ближайшем будущем, после обучения в учительских семинариях общества.

Отметим также, что записка И.Ю. Крачковского была активно использована консулом Б.Н. Шаховским, написавшим на имя И.А. Зиновьева, посла в Константинополе, два обоснования значимости деятельности Палестинского общества для России в целом и школ для арабов-христиан в частности [Записка от 23 мая 1908 г. — АВПРИ Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 435. Л. 65–70; Записка от 18 декабря 1909 г. — АВПРИ. Фонд Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 7686. Л. 86–104].

3 Последующие планы преобразования школ ИППО исходили из реального положения и состояния школ, но не из идеального представления об их будущем. Первый такой план был выработан 27 февраля 1910 года. В этот день, то есть ещё до времени окончательного завершения ревизии институтов общества на Ближнем Востоке, в Дамаске на квартире русского консула Б.Н. Шаховского состоялось частное совещание заинтересованных лиц. Источником информации о мероприятии являются рассказы двух его участников, Н.В. Кохманского и А.А. Дмитриевского, принимавших активное участие в ревизии школ общества, а также написанный от руки протокол заседания, сохранившийся в фондах архива Палестинского общества [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 435. Л. 136/12–136/27 об.].

Помимо них в заседании приняли участие Б.Н. Шаховской, а также инспекторы школ общества П.И. Рязский и А.А. Стасевич. По сообщению А.А. Дмитриевского, протоколы заседания были также подписаны отсутствовавшими на этом заседании генеральным консулом в Бейруте князем А.А. Гагариным и инспектором северосирийских школ И.И. Спасским. Князь А.А. Гагарин, консул в Бейруте, написал также ценное приложение к протоколу — записку о важности для Палестинского общества привлечения современного русского купечества для экономической деятельности в Сирии. С точки зрения А.А. Гагарина эта перспектива была для Палестинского общества весьма актуальной ввиду сложности экономического положения ИППО [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 435. Л. 136/4–136/10 (26 марта 1910 г.)].

Сопоставление версий рассказов обоих участников заседания выявляет скрытую полемику между ними. Н.В. Кохманский пишет о том, что последние 15 лет школы не развиваются, а отклоняются от определённой нормы из-за финансовых сложностей общества и находятся в ненормальном состоянии. Для приведения же организаций общества в нормальный, должный вид необходимо принятие срочных мер. В своих заключениях Н.В. Кохманский не всегда последователен. Заявив о ненормальном состоянии школ, он пишет далее о том, что программа начальных школ общества вполне достаточна и не нуждается в исправлениях⁵. Между тем именно начальные школы были основным типом школ общества в регионе.

⁴ На наш взгляд, к позиции И.Ю. Крачковского был близок один из педагогов школ — С.С. Кондрушкин [Кин (Кондрушкин С.С.), 1903. С. 226–247].

⁵ Программы начальных школ общества опубликованы в [Сообщения Императорского Православного Палестинского общества, 1903. Т. 13. С. 21–33 (прил. 2)].

В рассказе Н.В. Кохманского не сказано, в чем именно должна заключаться эта норма и какие именно стороны школьной жизни страдают от недостаточного финансирования. Он характеризует ситуацию только в общем. Обращают на себя внимание стоящие в тексте документа слова «тем или иным способом». Они свидетельствуют, на наш взгляд, о неуверенности Н.В. Кохманского, насколько государственные структуры согласятся финансировать нужды Палестинского общества.

Н.В. Кохманский, рассказывая о февральском совещании в Дамаске, пишет далее о том, что для реализации задуманных реформ требуется значительное увеличение расходов. Контекст позволяет предположить, что он имел в виду прежде всего перспективу увеличения окладов всех преподавателей, так как, по словам Н.В. Кохманского, при их нынешнем уровне нормальная работа учителей невозможна.

Н.В. Кохманский считал также, что ИППО сможет справиться со своими проблемами введением платы за обучение для покрытия части предстоящих расходов, не обращая при этом внимания на возможное недовольство местного населения. В то же время Н.В. Кохманский писал о необходимости проявлять гибкость и освобождать неимущих от платы за обучение.

В вопросе о внедрении иностранных языков в программу школ Н.В. Кохманский придерживался компромиссной позиции. Внедрение западноевропейских языков в учебный план необходимо, что же касается русского языка, то он должен изучаться только там, где можно наладить обучение языку на должном уровне.

Отметим здесь, что весь материал, 1910–1914 годов, касающийся планов преобразования деятельности школ ИППО, показывает, сколь большое значение придавалось вопросу о преподавании иностранных языков. Внимание это объясняется во многом политическими и идеологическими моментами, страхом перед возможностью «совращения в инославию» христианского населения Ближнего Востока. В условиях того времени, при конкуренции между великими державами на Ближнем Востоке, этот вопрос был весьма актуален. Так, о нежелательности появления французского и английского языков в программе школ общества А.А. Дмитриевский подробно и аргументированно говорил 10 октября 1908 года в своем первом выступлении в должности секретаря совета ИППО [АВПРИ Ф. РИППО. Оп. 873/3. Д. 10. Л. 70 об. — 71].

Через год, 30 декабря 1909 года, А.А. Дмитриевский пересказывал в первом письме А.А. Ширинскому-Шихматову содержание своей беседы в Константинополе с послом Российской империи Н.В. Чарыковым. Оба собеседника единодушны в том, что русские школы в Сирии должны быть богословско-профессиональными, но при этом богословская составляющая образования должна быть преобладающей. Профессиональное образование рассматривалось только как дополнение к основному, богословскому, и предназначалось для лиц, неспособных к духовному званию или не желающих становиться священнослужителями. Для богословского же, православного, образования знание английского и французского языков, как известно, не требовалось [РНБ ОР. Ф. 253. Д. 31. Л. 3–3 об.].

Что же касается Н.В. Кохманского, то он в своём рассказе о частном заседании в Дамаске писал также о необходимости открытия в Сирии среднего специального учебного заведения; о необходимости регулярной субсидии от императорского правительства ввиду отсутствия уверенности в возможности покрыть все расходы самостоятельно. Он писал также о необходимости проявлять больше заботы об интересах русских служащих общества.

А.А. Дмитриевский в своем рассказе об этом заседании обращает внимание на совершенно иные моменты. Прежде всего, он отмечает решительный протест всех участников совещания против высказывавшейся идеи закрыть школы Палестинского общества в Сирии, что нанесло бы тяжёлый удар по обаянию России на Ближнем Востоке.

Раскрытие конкретных положений решений совещания построено у А.А. Дмитриевского с очевидным выделением на первое место тех решений, которые соответствуют его взглядам. Он пишет о признании совещанием сирийских школ общества полезными, даже необходимыми для местного православного населения Сирии. Программы же обучения в школах общества по своему качеству превосходят инославные школы [Дмитриевский, 2014 (2). С. 332–335].

Иначе говоря, с точки зрения А.А. Дмитриевского нет оснований утверждать, что школы общества отклоняются в своем развитии от нормального. Источники показывают, что в то же самое время А.А. Дмитриевский прекрасно знал недостатки школ, а словесное оформление им своих мыслей объясняется желанием проявлять дипломатичность и стремлением избегать резких формулировок. Скорее всего, это стремление к дипломатичности и аккуратности в формулировках объяснялось официальным его статусом должностного лица, фактического руководителя повседневной жизни общества. Точно так же критические ноты в оценках И.Ю. Крачковского и Н.В. Кохманского следует, на наш взгляд, связывать с тем, что оба они оценивали деятельность общества со стороны, как приглашенные специалисты. И.Ю. Крачковский интересовал Палестинское общество как востоковед, способный оценить программы по арабскому и турецкому языкам, а Н.В. Кохманский расценивался российским посольством в Константинополе как ценный специалист по проблемам взаимоотношений государства и восточного христианства [Долинина, 2009. С. 351–355].

А.А. Дмитриевский упоминает далее и о позиции своих оппонентов по вопросу о преподавании иностранных языков, считая, что она не обеспечена финансово. А.А. Дмитриевский обходит, таким образом, столь важный для Н.В. Кохманского вопрос о направлении дальнейшего развития школ общества.

Заседание в Дамаске 27 февраля 1910 года завершилось после продолжительного обсуждения формулировкой шести значимых выводов, сообщаемых А.А. Дмитриевским⁶. Их формулировки не всегда совпадают с изложением Н.В. Кохманского. В рассказе о выводах совещания в Дамаске А.А. Дмитриевский пишет прежде всего о том, что в школах общества необходимо срочно увеличить число учителей и учительниц, окончивших семинарии в Назарете и Бейт-Джале. Для обеспечения должного уровня обучения в каждой школе должен быть хотя бы один педагог с семинарским образованием. Для достижения этой цели количество учащихся в каждой из семинарий должно составлять 90 человек, чтобы избегать необходимости восполнять вакансии педагогов школ людьми со случайной подготовкой [Грушевой, 2016. С. 23–24]. А.А. Дмитриевский пишет также о необходимости введения краткосрочных педагогических курсов для пополнения знаний и повышения мастерства педагогов школ. Это косвенно свидетельствует как раз о низком уровне профессиональной подготовки педагогов многих начальных школ.

⁶ Не исключено, что эти же итоговые выводы содержались и в протоколе заседания, о существовании которого упоминает Н.В. Кохманский.

Следующие два пункта выводов, приводимые А.А. Дмитриевским, в основном совпадают с тем, что писал об итогах совещания Н.В. Кохманский. Это повышение окладов педагогам и введение в преподавание иностранных языков в 50 школах Палестинского общества. Ввиду того что в начале XX в. количество школ общества в Сирии и Палестине достигало ста двух, введение преподавания иностранных языков планировалось в 50 процентах школ ИППО.

4 Ко второй половине 1910 года — точнее сказать невозможно — относится обобщающий отчёт А.А. Дмитриевского о школах по итогам инспекции, проходившей в первые месяцы 1910 года.

Итоговые выводы А.А. Дмитриевского следуют в тексте его отчёта о школах сразу же после рассказа о совещании в Дамаске. Они шире по подходу к проблеме преобразования школьного преподавания.

Первые выводы А.А. Дмитриевского отражают самые общие его представления о школах. Учебные заведения в Сирии выполняют свою роль по возможности вполне успешно; школы ИППО для местного населения полезны и благотворны; школы ИППО не только полезны для местного населения. Их передача высшему сирийскому духовенству неприемлема.

Это утверждение А.А. Дмитриевского не может не обратить на себя внимание, ибо двумя годами ранее, в «Докладе секретаря», он утверждал обратное. Причиной изменения его точки зрения стало, судя по всему, более глубокое осведомление А.А. Дмитриевского об особенностях жизни в Сирии.

Выводы А.А. Дмитриевского о преподавании в школах общества иностранных языков (т. е. русского, английского и французского) во многом повторяют итоговый документ совещания в Дамаске 27 февраля 1910 года.

Он пишет о том, что возражения по поводу преподавания русского языка вызваны тем, что он востребован только стремящимися продолжить своё образование в семинариях общества.

Что касается преподавания французского и английского языков в школах общества, А.А. Дмитриевский лишь отмечает, что Н.В. Кохманский и консул в Дамаске князь Б.Н. Шаховской выступают за внедрение преподавания английского и французского, тогда как князь А.А. Гагарин, консул в Бейруте, выступает против внедрения английского и французского, исходя из особенностей местного быта. Весьма вероятно, эти слова А.А. Дмитриевского свидетельствуют о его знакомстве с упомянутой выше запиской И.Ю. Крачковского, также выступавшего против преподавания западноевропейских языков. Что же касается позиции А.А. Гагарина, то он действительно высказывался против преподавания английского и французского языков в школах общества, считая гораздо более важным обучение в школах общества русскому языку по чисто практическим соображениям. А.А. Гагарин возлагал большие надежды на приход в Сирию русского купеческого капитала. Организация же в Сирии торговых представительств российских купцов потребовала бы большого количества работников из местных жителей, знающих русский язык.

В данном случае опять же существующие точки зрения высказаны, но не раскрыты. Очевидное согласие А.А. Дмитриевского с позицией князя А.А. Гагарина об особенностях быта сирийцев неубедительно и поспешно. Наблюдения А.Н. Хитрово как раз показывают, что образованные сирийцы-христиане на рубеже XIX–XX веков были весьма заинтересованы в знании западноевропейских языков ради приобщения к европейской культуре [Хитрово, 2011. С. 48–51]. С точки зрения А.Н. Хитрово, А.А. Гагарина

и А.А. Дмитриевского, за этим стояла серьёзная для представителей Российской империи идеологическая опасность — «угроза совращения в инославие».

Непосредственно проблемам школ посвящена лишь часть выводов А.А. Дмитриевского. Для поднятия на должную высоту учебно-воспитательной деятельности школ общества им была разработана целая серия мер:

- 1 он писал о необходимости усиления инспекторского надзора за школами и необходимости заполнить все вакансии и их помощников. Всё это должно было сопровождаться предоставлением определённых льгот этим работникам;
- 2 А.А. Дмитриевский писал также о необходимости увеличения числа русских педагогов в школах, а также об увеличении окладов всем педагогам из местных жителей с обязательным разделением их на категории. Слова об увеличении числа русских педагогов не случайны. Статистический материал об учреждениях ИППО, публиковавшийся на страницах сообщений Императорского православного палестинского общества, свидетельствует о преобладании среди педагогов школ местных жителей.

Конкретные предложения А.А. Дмитриевского по изменению и улучшению учебного процесса связаны только с семинариями в Бейт-Джале и Назарете. Иными словами, он фактически поддержал точку Н.В. Кохманского о том, что программы начальных школ не нуждаются в улучшениях и изменениях. Он писал о необходимости ввести шестилетнее обучение и увеличить количество учеников в семинариях для того, чтобы каждый курс обучения заканчивало 90 человек, но не 40.

Кроме того, А.А. Дмитриевский писал о необходимости смены кадров преподавателей в Бейт-Джальской семинарии. Речь шла о подборе педагогов с высшим образованием, полученным в России, которые были бы более подготовлены для работы в среднем учебном заведении.

Для повышения педагогического мастерства педагогов он считал необходимым организовать краткосрочные педагогические курсы для педагогов и педагогические классы для способных учеников, не попавших по тем или иным причинам в семинарии.

Предложения А.А. Дмитриевского по отдельным предметам, преподающимся в семинариях, разделяются на две группы.

А.А. Дмитриевский считал необходимым сделать преподавание иностранных языков в семинариях обязательным предметом; преподавание закона Божия — более живым и плодотворным. Он писал также о необходимости внедрения в семинариях женского рукоделия.

Особое внимание в выводах А.А. Дмитриевский уделил также М.А. Черкасовой, контролировавшей в те годы все находящиеся в Бейруте школы для детей православных арабов. С точки зрения А.А. Дмитриевского, в ближайшем будущем Марию Александровну нужно будет заменить. Во многом это мнение обусловлено сложным отношением А.А. Дмитриевского к М.А. Черкасовой.

Он отдавал должное её умению организовывать обучение богословию, катехизису и основам православия. В то же время А.А. Дмитриевский много и эмоционально писал о том, что в школах М.А. Черкасовой совершенно недостаточно уделяется внимания предметам общеобразовательного цикла, преподающимся в высшей степени формально [Дмитриевский, 2014 (2). С. 299–308].

5 В следующем, 1911 году продолжилась выработка общих решений в отношении проблем школ Палестинского общества в Сирии. Тринадцатого и восемнадцатого января состоялось заседание специальной межведомственной комиссии для надлежащего выяснения положения дел ИППО по заведованию сирийскими школами [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/13. Д. 82. Л. 1–4 об.]. Материалы заседания показывают, что выводы частного совещания в Дамаске и обобщения А.А. Дмитриевского были в дальнейшем частично учтены.

Заседание было организовано на очень высоком уровне именно с целью принятия окончательного решения о школах общества в Сирии. Присутствовали: товарищ министра иностранных дел, действительный статский советник А.А. Нератов, статс-секретарь А.Н. Куломзин, вице-председатель Палестинского общества князь А.А. Ширинский-Шихматов, председатели ведомств: министерства финансов — действительный статский советник А.И. Ефимович, министра народного просвещения — действительный статский советник Н.Л. Гусаковский, государственного контролера — статский советник С.А. Гадзяцкий и от Святейшего синода — надворный советник К.И. Мильский. Кроме того, на заседание были приглашены генеральный консул в Бейруте князь А.А. Гагарин, консул в Дамаске Б.Н. Шаховской и секретарь ИППО профессор А.А. Дмитриевский.

Протокол объединенного заседания показывает, что положительное решение вопроса о выделении средств для общества было согласовано заранее. Председательствующий, товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов, сразу же поставил вопрос о причинах, заставивших ИППО обратиться за помощью к правительству⁷. У общества исчерпаны все имеющиеся денежные средства, и без постоянной ежегодной субсидии общество работать не сможет. Исходя же из того, что закрытие школ в Сирии нанесёт серьёзный удар по «обаянию» России и будет истолковано как оскудение материальных и нравственных сил, Министерство иностранных дел считает необходимым настаивать на выделении правительственной субсидии обществу на нужды школ. Школы являются одним из лучших проводников русского влияния и православия. Именно поэтому МИД находит необходимым заботиться и о сохранении школ, и об их развитии.

Доклад о школах, доклад об их состоянии, был сделан А.А. Дмитриевским. Согласно краткому пересказу этого выступления, он кратко рассказал об итогах командировки в Сирию и о том, что школы в Сирии производят самое благоприятное впечатление. Основное внимание, как и в ходе предшествующих заседаний, было уделено вопросу преподавания иностранных языков (французского, английского и русского) в школах общества.

А.А. Дмитриевский в своем выступлении отметил, что русский забывается большинством изучающих, так как остаётся невостребованным. Он, однако, считал, что ситуация эта должна измениться в связи с расширением педагогической деятельности общества и в связи с открытием российских торговых представительств в Триполи и Яффе.

В ходе обсуждения этой проблемы конструктивное предложение по организации преподавания иностранных языков в школах общества было

⁷ Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938) — дипломат, член Государственного совета, гофмейстер, товарищ министра иностранных дел в 1910–1916 годы.

выдвинуто А.Н. Куломзиным⁸. Он сказал, что задачей ИППО является поддержка не русского языка как такового, а православия и поэтому поддержка русского языка имеет вторичное значение.

В результате русский язык был объявлен обязательным только в двухклассных школах, а в одноклассных — желательным. В последнем случае обществу предоставлялось право решать сообразно с местными условиями. Решение по этому вопросу было принято единогласно всеми участниками заседания.

В ходе январского заседания 1911 года много времени было уделено вопросу о размерах запрашиваемой у правительства субсидии.

Члены комиссии особо отмечали заявление Палестинского общества, что в настоящее время население и духовные власти Сирии принимают участие в расходах по содержанию школ: они предоставляют помещение для школ и во многих местах берут на себя ремонт этих зданий. Для Палестинского общества это было очень важно ввиду сложностей материального положения общества в данный период.

В запрашиваемую субсидию была также включена сумма в 5000 рублей митрополиту Хомскому Афанасию на поддержание устроенного им среднего учебного заведения⁹. Эти деньги планировалось передавать ежегодно.

Комиссия обращалась также с просьбой в правительство выделить временно 50 000 рублей на постройку нового здания для Назаретской семинарии и на расширение помещения Бейт-Джальской семинарии.

В следующем, 1912 году размеры выплат из бюджета на нужды школ общества в Сирии были определены специальным законом, подписанным 5 июля 1912 года Николаем II. Цифры запрашиваемой в 1911 году субсидии на нужды школ ИППО и размеры выделенной по закону 1912 года субсидии приведены ниже, в приложении № 1. Размеры выплат в законе от 5 июля 1912 года максимально близки к тем, что были указаны в январском заседании специальной комиссии 1911 года [Россия в Святой земле... 2000. С. 381–382].

В следующем, 1913 году в Назарете происходило совещание учителей школ и инспекторов школ по вопросу о выработке новых программ для учительских семинарий. В доступных источниках информация об этом совещании отрывочна. Сохранившееся в АВПРИ дело об этом совещании представляет собой собрание писем П.И. Ряжского, управляющего подворьями общества и инспектора палестинских учебных заведений, адресованных А.А. Ширинскому-Шихматову, вице-председателю ИППО [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 439]. П.И. Ряжский, являвшийся председателем этого совещания, отправлял в Петербург регулярные отчеты об обсуждении в Назарете новых программ и новых условий работы педагогов. Каждое письмо П.И. Ряжского начинается с указания о том, что он прилагает к письму журналы заседания того или иного дня работы Назаретского совещания. Местонахождение этих журналов заседаний в настоящий момент установить не удалось. В данном архивном деле их нет.

Совещание в Назарете выработало текст программ по всем преподаваемым в учительских семинариях общества предметам. В конце 1913 года в Петербурге специальная комиссия рассматривала предложенные программы и инструкции [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 440]. Итоговый

⁸ Куломзин Анатолий Николаевич (1838–1923) — статс-секретарь, председатель Государственного совета, действительный тайный советник.

⁹ В доступных источниках какой-либо информации об этом учебном заведении обнаружить не удалось.

вариант обновлённой программы учительских семинарий ИППО был представлен совету общества в виде обобщающего доклада 23 июня 1914 года, за несколько дней до начала Первой мировой войны [Грушевой, 2018].

Текст доклада состоит из своего рода объяснительных записок по каждому предмету с указанием особо значимых нюансов по всем дисциплинам. Для того чтобы представить и оценить, что нового внес проект программ учительских семинарий, представленный совету общества в июне 1914 года, его необходимо сопоставить с программами, утверждёнными в 1902 году¹⁰. Это сопоставление показывает прежде всего увеличение количества преподаваемых предметов и перераспределение общего количества часов занятости (количество предметов, преподаваемых в семинариях по программе 1902 года, составляло 15. По проекту программ 1914 года количество предметов возросло до 22 (23). Соответствующий материал приведён ниже, в приложении № 2).

Это сопоставление показывает, что в проекте программ 1914 года были расширены все разделы учебного плана. В программе впервые было предусмотрено изучение современных европейских языков. Среди предметов естественнонаучного цикла появились физика, алгебра, природоведение. Заметно увеличивался и педагогический цикл. Предусматривались педагогика, практические занятия в школе и разбор практических уроков.

Интересные выводы позволяет сделать сопоставление часов на тот или иной предмет в программе 1902 года и в проекте 1914 года.

Так, Закон Божий по программе 1902 года преподавался в первом классе, один год пять часов в неделю; во втором классе — оба года по четыре часа в неделю; в третьем классе — оба года один час в неделю, итого 15 часов в общей сложности за весь период обучения. По проекту 1914 года количество часов на Закон Божий увеличено до 16 за весь период обучения, что достигалось перераспределением часов и обновлением программы. Первые четыре года обучения Закон Божий должен был преподаваться по три часа в неделю. На пятый и шестой год обучения количество часов на Закон Божий сокращалось до двух в неделю, что давало в общей сложности 16 часов. При этом появление в проекте программы двух часов в неделю на пятом и шестом году обучения объяснялось необходимостью появления в учебном плане занятий по апологетическому богословию, не преподававшемуся ранее [Грушевой, 2018. С. 306].

Обращает на себя внимание аргумент в пользу внедрения апологетического богословия: учитель народных школ должен быть вооружен необходимым знанием для того, чтобы противостоять неверующим врагам христианства [там же. С. 305]. Скорее всего, в данном контексте не идёт речь об атеистах, но о ком-либо из числа тех, кого в то время называли инославными. В невероятном разнообразии религиозной жизни региона в рассматриваемое время присутствовали разнообразные христианские и мусульманские течения духовной жизни¹¹. Только по таким косвенным признакам можно определить остроту конкурентной борьбы в регионе за умы местных жителей.

¹⁰ Программа опубликована в [Сообщения Императорского Православного Палестинского общества, 1903, Т. 13. С. 54–70 (прил. 2)].

¹¹ Так, Н.В. Кохманский среди верований, представленных в Бейруте в 1910 году, перечисляет, помимо мусульман и иудеев, католиков, мелькитов, маронитов, протестантов и православных [Грушевой, 2016. С. 100].

Существенно была изменена программа по русскому языку. Общее количество часов за весь период обучения изменилось незначительно. По программе 1902 года это 21 час, по проекту 1914 года — 23. Изменения коснулись содержания. В проект 1914 года были в рамках программы по русскому языку включены изучение теории словесности и обзор русской литературы.

Согласование последнего раздела вызвало споры. Авторы программы тщательно убрали из учебных планов все произведения, которые создавали отрицательный образ русской действительности и могли стать не вполне доступными пониманию уроженцев Сирии (в частности, «Горе от ума» А.С. Грибоедова; «Ревизор», «Шинель» Н.В. Гоголя; «Гроза А.Н. Островского»). Вместо них учеников школ предполагалось знакомить с «Записками охотника» И.С. Тургенева, «Детством и отрочеством» Л.Н. Толстого, «Песней о купце Калашникове» М.Ю. Лермонтова, а также с произведениями русских авторов на восточные темы.

Этот доклад о проекте программы 1914 года 23 июня 1914 года, как и выводы совещаний предшествующих лет о судьбе школ, представляет собой итог развития педагогической мысли сотрудников Палестинского общества. Выводы совещаний 1910–1911 годов свидетельствуют о наличии двух подходов к реформированию на практике школ общества — идеального (И.Ю. Крачковский) и реалистичного (А.А. Дмитриевский и Н.В. Кохманский).

Как отмечалось выше, первый из них был нереалистичен, так как у общества в тот момент не было достаточного количества таких кадров, которые могли бы помочь осознать местным арабам-христианам самих себя и свою веру без давления со стороны. Вероятнее всего, школы ИППО могли воспитывать таких педагогов после планируемых преобразований.

Как было показано выше, реалистичный проект включал в себя множество конкретных предложений и по учебному процессу как таковому, и по организации труда педагогов. При этом реалистичный проект школьных преобразований испытал влияние идей, нашедших своё максимальное выражение в записке И.Ю. Крачковского. В документах за подписью Н.В. Кохманского и А.А. Дмитриевского специфика менталитета и условий жизни местного населения учитывалась, но стояла на втором месте после конкретных интересов Российской империи по формированию из христианского населения региона лояльных Российской империи лиц.

Именно поэтому, на наш взгляд, у нас достаточно оснований считать оба проекта трансформации школ частями одного целого. Проекты трансформации школ в сочетании с докладом о разработанной новой программе учительских семинарий образуют общую, цельную картину взглядов заинтересованных сторон о грядущей судьбе школ общества в Палестине и Сирии.

По понятным причинам ничто из новшеств, касавшихся планируемых изменений работы школ, не было воплощено в жизнь. Сперва, в связи с началом войны, было принято решение отложить введение в действие новых программ. Достаточно долго была жива надежда либо на скорое завершение войны, либо на успешный перелом в ходе военных действий. Ничего этого не случилось, и в результате школы общества, *de facto* прекратившие свою работу осенью 1914 года, *de jure* прекратили свою деятельность уже после падения Российской империи, в самом конце декабря 1917 года¹².

Неспешность работы всех заинтересованных сторон, вырабатывавших проект программы для семинарий в течение четырёх лет, не может не

¹² О школах ИППО в годы Первой мировой войны [Грушевой, 2016. С. 33–36].

удивлять. Судя по всему, у многих подданных Российской империи в начале XX в. не было ощущения близости конца истории монархии. Видимо, только этим и можно объяснить разработку в годы Первой мировой войны проекта Русского археологического института в Иерусалиме, выдвинутого сенатором Е.П. Ковалевским. Обсуждение его завершилось на рубеже февраля — марта 1917 года резолюцией, одобряющей проект¹³.

История неосуществленного проекта программ 1914 года представляет интерес ещё в одном отношении. Рассмотренные выше документы свидетельствуют об истинном, не показном интересе чиновничества Российской империи к успехам отечественной науки и трезвом понимании государственных интересов России на Ближнем Востоке. Многие лица из числа тех, кто обеспечивал существование школ, были дипломатами или служащими министерств, для которых проблемы ИППО были лишь одной из многих задач их профессиональной деятельности. Таковы, в частности, профессиональные дипломаты Б.Н. Шаховской и Н.В. Кохманский, А.А. Гагарин и крупные должностные лица — Н.М. Аничков, Е.П. Ковалевский. Без их активной поддержки школы ИППО могли быть закрыты ещё в 1909 году.

Отметим также успешность деятельности школьного проекта ИППО в следующем отношении. Выпускники учительских семинарий общества стали первыми профессионально подготовленными педагогами из числа арабов-христиан.

Приложение 1

Государственные субсидии на нужды школ ИППО по закону от 5 июля 1912 года и суммы субсидий, запрашиваемые комиссией 1911 года:

Суммы субсидии, запрашиваемые комиссией 1911 года	Суммы, выделяемые по закону 5 июля 1912 года
1912–1913 гг.	
143 464 руб. 38 коп.	126 799 руб. (1912 г.) 148 465 руб. (1913 г.)
1913–1914 гг.	
153 464 руб. 38 коп.	153 465 руб. (1914 г.)
1914–1915 гг.	
158 464 руб. 38 коп.	158 465 руб. (1915 г.)

Согласно закону 1912 года, в соответствии с планами комиссии, заседавшей в 1911 году, выделялись также 50 000 рублей на постройку здания для Назаретской семинарии общества и на перестройку здания семинарии в Бейт-Джале.

¹³ Об этом проекте [Грушевой, 2017].

Приложение 2

Сопоставление предметов программы 1902 года со списком предметов проектной программы 1914 года.

Программа 1902 г., общая для обеих семинарий, включала в себя следующие 15 предметов	Проект программы 1914 года
1 Закон Божий	1 Закон Божий
2 Арабский язык	2 Арабский язык
3 Русский язык	3 Русский язык
4 Турецкий язык	4 Турецкий язык ¹⁴
5 Греческий язык ¹⁵	5 Французский язык или
6 История	6 Английский
7 География	7 История
8 Арифметика	8 География
9 Геометрия	9 Природоведение ¹⁶
10 Краткое учение о воспитании	10 Физика ¹⁷
11 Арабское чистописание	11 Арифметика
12 Русское чистописание	12 Алгебра ¹⁸
13 Черчение и рисование	13 Геометрия
14 Пение	14 Педагогика
15 Гимнастика	15 Разбор практических уроков
16 Практические занятия в школе	
17 Арабское чистописание	
18 Русское чистописание	
19 Черчение и рисование	
20 Пение русское и арабское	
21 Рукоделие, или ручной труд, или рукоделие ¹⁹	
22 Гигиена	
23 Гимнастика	
24 Практические занятия в школе	

¹⁴ По программе 1902 г. турецкий язык предусматривался в обеих семинариях. По проекту программы 1914 г. он был оставлен только в Назаретской семинарии для мальчиков.

¹⁵ Греческий язык в проекте программы 1914 г. отсутствует. Имеющиеся документы не позволяют достоверно сказать, чем это было вызвано. Можно, правда, предположить косвенное влияние политических событий тех лет. Именно благодаря активной поддержке России Антиохийскую православную церковь возглавил этнический араб и среди членов Синода Антиохийской церкви не осталось греков.

¹⁶ Природоведение отсутствует в программе 1902 г.

¹⁷ В программе 1902 г. такого предмета нет.

¹⁸ Этот предмет планировался только в Назаретской семинарии для мальчиков. Судя по всему, для женского образования этот предмет представлялся лишним.

¹⁹ Рукоделие должно было преподаваться в Бейт-Джальской семинарии; ручной труд и рукоделие – в Назаретской.

Литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд – РИППО (Российское императорское православное Палестинское общество). Оп. 873/1. Д. 435.

АВПРИ. Фонд РИППО. Оп. 873/1. Д. 438.

АВПРИ. Фонд РИППО. Оп. 873/1. Д. 439.

АВПРИ. Фонд РИППО. Оп. 873/1. Д. 440.

АВПРИ. Фонд РИППО. Оп. 873/3. Д. 10.

АВПРИ. Фонд РИППО. Оп. 873/13 Д. 82.

АВПРИ. Фонд Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 7686.

Герд Л.А. Ещё один неизданный текст В.Н. Хитрово // Православный палестинский сборник. 2008. № 106. С. 290–295.

Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке / публикация архивных материалов, предисловие, статья, комментарии и указатели А.Г. Грушевого. СПб, 2016.

Грушевой А.Г. Из истории русской науки о Ближнем Востоке: проект Е.П. Ковалевского // Вестник Екатеринбургской Духовной Семинарии. 2017. № 4 (20). С. 110–128.

Грушевой А.Г. Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского Православного Палестинского общества // Вестник Екатеринбургской Духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 258–331.

Грушевой А.Г. «Уврачевание» Иерусалимской церкви в мыслях и действиях Порфирия Успенского // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 75–85.

Грушевой А.Г. Просвещение арабов-христиан как важный фактор во внешней политике Российской империи на Ближнем Востоке (вторая половина XIX в.) // Вестник Екатеринбургской Духовной Семинарии. 2020. № 3 (31). С. 247–265.

Дмитриевский А.А. Н.М. Аничков (Некролог) // Дмитриевский А.А. Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. М., СПб, 2014. С. 84–202.

Дмитриевский А.А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского общества в Сирии и Палестине // Дмитриевский А.А. Палестинское Общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. М., СПб, 2014. С. 216–352.

Долинина А.А. И.Ю. Крачковский и Императорское Православное Палестинское Общество // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества 1881–2007. СПб, 2009. С. 344–359.

Кин (Кондрушкин С.С.). Начальная школа в Сирии // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Т. 13. 1903. С. 226–247.

К.П. Победоносцев и русская Духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. СПб, 2017.

Лагузова Н.А. Школьная деятельность Императорского Православного Палестинского общества в 1905–1914 гг. // Иерусалимский Православный семинар. 2012. № 3. С. 121–158.

Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 253 (Дмитриевский А.А.). Д. 31.

РНБ ОР. Ф. 253. Д. 43.

Россия в Святой земле. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000.

Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. М., 2020.

Хитрово В.Н. Письма о Святой Земле // *Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем.* Т. 2. М., СПб, 2011. С. 48–51.

References

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund – Embassy in Constantinople. Inventory 517/2. Dossier 7686.

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund – Russian Imperial Orthodox Palestine Society. Inventory 873/1. Dossier 435.

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund – Russian Imperial Orthodox Palestine Society. Inventory 873/1. Dossier 438.

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund – Russian Imperial Orthodox Palestine Society. Inventory 873/1. Dossier 439.

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund – Russian Imperial Orthodox Palestine Society. Inventory 873/1. Dossier 440.

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund – Russian Imperial Orthodox Palestine Society. Inventory 873/3. Dossier 10.

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund – Russian Imperial Orthodox Palestine Society. Inventory 873/13. Dossier 82.

Dolinina A.A. I.Y. Krachkovski and the Imperial Orthodox Society for Palestine Studies. *An bibliographical list of scientific works of the Imperial Orthodox Society for Palestine Studies 1881–2007.* St. Petersburg, 2009, pp. 344–359. (in Russian).

Gerd L.A. Another unpublished text by V.N. Khitrovo. *Orthodox Palestinian Collection*, 2008, no. 106, pp. 290–295. (in Russian).

Grouchevoy A.G. “The Healing” of Jerusalem church in plans and acts of Porphyrios Uspenski. *The Petersburg Historical Review*, 2020, no. 1 (25), pp. 75–85. (In Russian).

Grouchevoy A.G. From the History of Russian Near East Research – the E.P. Kovalevski project. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2017, no. 4 (20), pp. 110–128. (in Russian).

Grouchevoy A.G. *From the History of Russian Schools in the Near East.* A publication of archive documents, an introduction, an article, commentaries and indices by A.G. Grouchevoy. St. Petersburg, 2016. (in Russian).

Grouchevoy A.G. The education of Arab-Christian population as an important factor in the Foreign Policy of Russian Empire in the Near East (the second part of the XIX-th century). *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, no. 3 (31), pp. 247–265. (in Russian).

Grouchevoy A.G. The Last School program of teacher’s Seminary of the Imperial Orthodox Society for Palestine Studies. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2018, no. 2 (22), pp. 258–331. (In Russian).

K.P. Pobedonostsev and Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem in the Reign of Alexander the Third. St. Petersburg, 2017. (in Russian).

Khitrovo V.N. The Letters about the Holy Land. *Khitrovo V.N. A collection of works and letters.* Vol. 2. Moscow, St. Petersburg, 2011. (in Russian).

Kin (Kondrushkin S.S.). The elementary school in Syria. *The Reports of the Imperial Orthodox Society for Palestine Studies*, 1903, vol. 13, pp. 226–247. (in Russian).

Laguzova N.A. The School activity of the Imperial Orthodox Society for Palestine Studies in 1905–1914. *Jerusalem Orthodox Seminar*, 2012, no. 3, pp. 121–158. (in Russian).

Russia in the Holy Land. Documents and materials. Vol. 1. Moscow, 2000. (in Russian).

Russia in the Holy Land. Documents and materials. Vol. 3. Part 1. Moscow, 2020. (in Russian).

The Russian State Library. The department of manuscripts. Fund of A.A. Dmitrievski. Dossier 31.

The Russian State Library. The department of manuscripts. Fund of A.A. Dmitrievski. Dossier 43.